

Тёмная Лида

повести
и рассказы

Владимир Лидский

18+

Владимир Лидский

Тёмная Лида.

Повести и рассказы

Тёмная Лида: Повести и рассказы:
ISBN 9785002230570

Аннотация

«...и то самое ружьё, с которым отец Пушкина бегал на охоту, старинное тульское ружьё, висевшее на стене, было, согласно драматургическому обычаю, снято и вынесено вон: Пушкин взял его и вышел на улицу, держа тяжёлую сталь обеими руками; Черныш в этот миг преодолевал заросли ежевника и уже с головы до ног был облеплен репьями, – зачем Пушкин взял ружье – черти знали, и именно они поведали об этом впоследствии: он взял его ради куражу, ибо всегда брал оружие вследствие выпитого самогона, – весь день с самого утра он пил со старым Авдеем по прозвищу Климка, и когда Авдей, упав на пол, уснул, Пушкин влез сапогами на кровать, снял со стены *тулку* и, выйдя на улицу, увидел Черныша...»

Содержание

Повести	8
Игра в пепел	8
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Лидский

Тёмная Лида.

Повести и рассказы

*Книга издана при участии Юрия И. Крылова
krylovpismo@gmail.com*

Издатель П. Подкосов

Главный редактор Т. Соловьёва

Руководитель проекта М. Ведюшкина

Ассистент редакции М. Короченская

Художественное оформление и макет Ю. Буга

Корректоры Т. Мёдингер, О. Смирнова

Компьютерная верстка А. Ларионов

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц,

в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Владимир Лидский, 2023

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Тёмная Лида

повести
и рассказы

Владимир Лидский

Москва, 2023

альпина
ПРОЗА

Повести

Игра в пепел

...и вот я открываю этот чудесный альбом, непонятно как сохранившийся в катаклизмах времён, осторожно трогаю истёртый почти до основания обложечный бархат, переворачиваю ветхие листы, вдыхаю их запах, который нельзя описать, а можно лишь обозначить как *запах эпох*, и вглядываюсь в лица на старых фотографиях: вот дагеротип моего прадедушки Чижики Красивого, застывшего на века рядом с супругой, – она в кружевном чепце и пышном провинциальном платье, он – в сюртуке, с роскошной купеческой бородой... а вот худенький подросток ангельской внешности, – у него огромный *ремингтон* на боку, – это их дочь, моя бабушка; на фото, я полагаю, ей лет шестнадцать, не более того... а вот – её брат, зарубленный красными, рядом – другой брат, – расстрелянный белыми; на следующем листе – мой дед рядом с атаманом Махно, – стоит, возвышаясь над батькой на целую голову, Махно – в доломане, как будто бы он венгерский гусар, а дед – в гимнастёрке, широких галифе и сапогах в гармошку, на голове у него – чёрная баранья папаха, и сам он какой-

то весь чёрный, словно копчёный, а вот – дядя Саша, гений скрипки, как величал его Луначарский, выдающийся дядя Саша, вырванный в двадцать третьем из чекистских лап королевою Нидерландов... а здесь – мой другой дедушка, расстрелянный в тридцать восьмом Владимир Михайлов – в обнимку с другой бабушкой, будущей колымской сиделицей, двадцать пять лет оттрубившей в другой вселенной... я переворачиваю ещё пару листов и вижу улицы заштатного городка, входившего когда-то в состав бывшего Виленского воеводства; название городка – Лида; это почтовые карточки самого начала прошлого века... вот известный лидский налётчик Витольд, настоящее имя которого – Витя Шмараков... долго не знал я, в каком родстве состою с ним, а потом оказалось – ни в каком... в самом конце альбома есть изломанная фотография лидского гетто, но фотографий моих родных, увезённых оттуда в Майданек, вовсе не сохранилось... зато есть карточки мамы, папы, дядёв, тёток, неизвестных мне внучатых племянников, троюродных братьев, сестёр... есть и фотографии деда без Махно, без папахи, но в офицерской фуражке с красной звездой и с рядами орденов на груди, а ещё – несколько вовсе уж странных изображений: таборные цыгане возле реки, через пару листов – толпа здоровенных негров на фоне пальмовых зарослей, какие-то воинственные индийцы в турбанах, и дальше – удивительный раритет: три снимка в окопах неизвестной войны, а на одном

из них рядом с близнецами лет по пятнадцати – мальчиком и девочкой – человек, странно похожий на ещё молодого Хемингуэя... сколько чудес в чужих фотоальбомах! а и в своих порой можно много необычайного сыскать... мог ли знать я, к примеру, что-нибудь о боевом прошлом моей уютной бабушки, к которой любил в детстве залезть на колени или сигануть с разбегу в её объятия, чтобы просунуться в кольцо больших рук и прижаться бодливым лбом к мягкому животу, прикрытому свежим фартуком, уже впитавшим в себя вкусные утренние запахи ванили и сдобы, кофе с корицей, лимона и яблочного повидла, а ещё – едва уловимого запаха июльской пасеки... и в те дальние, едва брезжащие издалека годы я не задумывался о том, что у человека может быть прошлое, ведь ребёнок пяти-шести лет не способен же понимать ушедшее время – в маленьком сердце его нет пока образов умерших родных, которые и являются как раз воплощением того, что было и уж никогда не вернётся, а я... я даже не знал тогда, что любимая бабушка моя Прасковья Григорьевна происходила из большого села Чижиково, с двенадцатого века притулившегося под Ростовом и известного своим возрожденческим духом, – четырежды на протяжении трёхсот лет сжигали его монголы, крылатые польские шляхтичи и неизвестно кто ещё, и каждый раз село отстраивалось вновь; хотели его по этой причине даже поименовать иначе и впредь называть Фениксом, – то

было уж в конце девятнадцатого века, когда губернская власть озаботилась, как сказали бы сейчас, распилом дарованного монархическою волею бюджета, – хороший повод, – а и не срослось, помешал какой-то совсем не гоголевский ревизор, который сражён был не только масштабами вселенского воровства окрестных бюрократов, но и тем чрезвычайным обстоятельством, что все жители села поголовно звались Чижиками, отличаясь друг от друга только описаньями – Чижик Большой, Чижик Маленький, Чижик Хитрый, Чижик Мордастый, – и прозвищам этим не было числа; отец бабушки Прасковьи носил определение Красивый и в отличие от своего средневекового тёзки Филиппа IV Красивого был покладист, кроток, добр и благосерден, возможно, даже в большей степени, нежели иная девица; бабушка – в него – родилась такой красивой, что смущала внешностью своею и державной статью весь край, но уж фамилию носила она далеко не благородную, – как и у всех иных сельчан, в её бумагах означалось – Чижикова, и родовое село её в этом смысле было таким ономастическим, что ли, заповедником, в котором случайно оказался как-то по своим лихим делам будущий мой дедушка Иосиф, бандит, разбойник и самый настоящий, как сказали бы сейчас, дворовый гопник, получивший в своё время прозвище *Лидский Робин Гуд*, – Лидский потому, что происходил он из белорусского селенья Лида, знаменитого своим замком, построенным в XIV веке князем

Гедимином, – Робин Гуд же – потому, что всё нажитое опасной бранью, то есть приобретённое разбоем-грабежом, отдавал он беднякам, за что те дедушку безмерно уважали и даже просились иной раз в его замечательную шайку, – он же никого сверх известного числа не брал, полагая крестьянина крестьянином, а разбойника – разбойником, довольно, дескать, и того, что сам он и все люди его *преступного сообщества* достаточно уж понабрали грехов перед Создателем, посему большой грех – это множить сущности и сбивать с пути истинного мирных хлебопашцев; так или иначе, дедушка почитал себя уж пропащим человеком и разве не отягчал душу грехом смертоубийства, справедливо полагая, что нельзя же брать на себя Господню волю, – грабежа он, впрочем, не бежал и оправдание давал себе тем самым обстоятельством, что награбленное дарил тут же беднякам; так он и закончил бы каторгой на Акатуе, ибо знамо дело: сколь вору не воровать, а кнута не миновать, – однако же не тут-то было – четырнадцатый год поставил деда у черты, и он свой нелогичный выбор сделал: поди узнай теперь, что творилось у него в башке, когда он бросил разбойный промысел и явился под мобилизацию; воевал он с жаром и ожесточённо, получил два ранения и солдатского Георгия, а в шестнадцатом году, наслушавшись красных агитаторов, вдруг переменялся, залюбил бузу, лозунги да истерические речи и стал снисходительно относиться

к братанию с врагом, что должно было привести его рано или поздно в стан ниспровергателей, но не привело, так как в начале восемнадцатого года решил он вдруг, что своя рубашка ближе к телу и нѣхрен ему служить у красных, как, впрочем, и у белых, – только судьба по-своему судила: под сожжѣнной Знаменкой попал он в плен к григорьевцам, и Григорьев, видя его национальность, самолично приказал убить, только хлопцы решили пошалить и взялись мучить пришлеца, – шашки их с нагайками знатно потрудились и даже не устали, – с чего ж устать, ежели сработаны они из бездушных материалов? так и бросили его, наигравшись, в ближней балке, почитая мертвецом, – он лежал едва живой и не вспоминал, как о том пишут в романах, свою, в общем-то, ещё и не состоявшуюся жизнь, да что было вспоминать? набег-налѣты-захваты-грабежи? что было в этом достойного воспоминаний? ничего-го... он вспоминал только любимую Лиду и халупу родителей на берегу Лидейки, в те годы вполне ещё чистой, под кручами которой в корчагах водились зеленовато-коричневые раки, а на стремнине – голубые рыбы... в окрестностях городка жили в колоссальном количестве чѣрные воробны, прилетавшие на Базарную площадь всякий раз по окончании торговых дней и клевавшие скудную дань, упавшую с продовольственных телег, – вороны были похожи на лидских евреев, собиравшихся в субботу перед синагогой: почтенные отцы семейств в чѣрных лапсердаках,

подростки, старцы... вороны являлись всей общиной, кормились и, разом снявшись, улетали в окрестные леса... улетаая, превращались они в гигантский траурный ковёр, закрывающий полнеба, движущийся чёрный плат, словно бы перетекающий волнами с одного края вселенной на другой... он вспоминал их, когда сидел в темноте перед полыхающей печуркой и мечтал о пепле, который мать даст ему, – сразу, как выгорят дрова, – игрушек он не знал, знал камушки, собранные на Лидейке, – и вот мать давала ему пепел, – она выгребала его из поддувала, куда он попадал, падая с колосников... специальным совочком сбирала его и сыпала в мятый таз, назначенный для стирки, – Иосифу было года три, а может быть, четыре, и он обожал играть в пепел или, лучше сказать, – играть с пеплом: мать сажала его возле таза, и он с удовольствием возил ручонками внутри, – это была такая нежная, едва тёплая субстанция, мягкая, бархатная, приятно ласкающая детские ладошки, прикосновение которой успокаивало душу, смягчало сердце и даже утишало голод, всегда сопровождавший маленького Осю... он лежал в балке, умирая, и пошевеливал пальцами, как будто прикасался в своём воображении к пепельной поверхности... ему было покойно, и он уже смирился с мыслью о том, что, как ни крути, а придётся ж таки нынче умереть... но он не умер, – потеснив Григорьева, окрестности Знаменки заняли махновцы да и подобрали истерзанного деда...

он потом служил в культпросветотделе армии Нестора Иваныча и работал в армейской газете «Путь к свободе», где даже впитал некоторым образом идеи анархизма, листая на досуге Бакунина с Кропоткиным; тут же, у Махно, он встретил как-то бабушку, которая о ту пору была отнюдь не бабушка, а девушка – неполных семнадцати годков, – это был такой чертёнок в английском обмундировании, стриженный под мальчика, – с огромными синими глазами и нежной кожей тонкого лица, её фигурка так выгодно была стянута портупейными ремнями, что ни один мужчина в армии Нестора Иваныча не мог равнодушно пройти мимо этого во всех смыслах противоречивого создания с личиком херувима и ремингтоном на боку, отобранным под Гуляйполем у некоего интервента, – этот древний револьвер с гранёным стволом, латунным курком и блестящим барабаном помнил ещё Гражданскую войну в Америке и кровь спесивых южан; здесь же, в лесах и степях Малороссийского края, баснословному стальному убийце подчинялись и красные, и белые, и вольница многочисленных окрестных батек, – лишь единственный раз ремингтон подвёл Прасковью, или, как звали её в отряде, Пашу, – когда она в бою вылетела из тачанки, а револьвер, засыпанный песком, стал давать осечки; было это в знаменитом бою под Перегоновкой: Махно противостояли части белых, составленные из двадцати тысяч штыков и десятка тысяч сабель, – накануне

батько отступал, и в конце концов Слащёв прижал его к петлюровскому фронту, который повернул оружие против вчерашнего союзника, – этот предательский манёвр загородил повстанцам путь к спасению, – Махно не захотел пропасть в гибельном мешке, вскочил на коня и кинулся со своими командирами формировать кулак, чтобы смести надвигавшихся на него безудержной волной врагов, – вдоль фронта выстроил он гигантское каре и неожиданно атаковал; было это двадцать шестого сентября девятнадцатого года: в ночь на двадцать седьмое к Перегоновке выдвинулись бомбисты-минёры и взорвали две тысячи морских мин, обременявших обоз, – по этому сигналу дрожавшая от нетерпения и злобы армия с диким рёвом ринулась вперёд и погнала растерявшуюся белую гвардию к Умани, всё сметая на своём пути... шесть тысяч добровольцев полегли под махновскими шашками на северном участке фронта, три тысячи были захвачены в плен на южном, и только восточный участок с ожесточением сражался, не желая отступать; обходя фланги, повстанцы шли в штыковую и методично резали упрямого врага, но он держал фронт, вцепившись зубами в свои накрытые пороховым пологом окопы; белые отражали атаку за атакой, а потом поднялись и пошли вперёд, и эта безумная лава, эти окровавленные, истерзанные фигуры в грязных бинтах с такой отчаянной безысходностью и решимостью погибнуть двигались на махновские цепи, что повстанцы дрогнули,

и... кто-то уже побежал, кто-то рухнул лицом в комья дымящейся земли, а кто-то, упав на колени, уронил винтовку и — заплакал... но тут со стороны Умани вымахнула махновская кавалерия, и её крутящиеся шашки, как молнии, вспыхнули в ночи, отражая огни артиллерийских разрывов! в авангарде летел Махно, и увлекаемая им конница уже чувала победу; впереди фронта вихрем неслась тачанка, и тройка её обезумевших коней уже готова была подняться над землёй, опираясь на призрачные крылья, — в возке сидел сгорбленный стрелок, справа от него на месте помощника, приготовляя и поддерживая пулемётную ленту, сидела Паша... повозка неслась... быстрее, быстрее, ещё быстрее... и вот уже взмыленные кони врываются в самую гущу ошеломлённых добровольцев и, словно ножом, взрезают их смешавшиеся ряды... грохот стрельбы, близкие разрывы снарядов и дальняя артиллерийская канонада сливаются в общий гул, от которого немеют сердца и холодеют души, — огни и вспышки всякую минуту являются там и сям, кони несутся на пределе возможностей, и дюжина копыт страшной повозки грохочет как сотня барабанов... вихрь, пыль и всполохи пулемёта, крутящегося по сторонам! дед Иосиф, в те годы, разумеется, тоже никакой не дед, а вполне себе молодой ещё мужчина неполных четырёх десятков лет, скакал на статной кобыле, едва видя вдалеке стремительную фигуру атамана, — скакал, ощущая в себе непонятное бешенство и дерзкий кураж, — кобыла под ним

дрожала от возбуждения и вся, от ноздрей до самого кончика хвоста, безудержно стремилась вперёд... он видел, как летящая впереди тачанка плавно вошла в чёрный сгусток толпы и, продолжая рассекать её надвое, понеслась дальше – вперёд, вперёд! – *максим* яростно плевался свинцом, как плюётся ядовитой слюною умалишённый в руках озверевших санитаров, и на левом фланге, там, где находился Иосиф, слышны были ритмичные пулемётные трели, доставляемые горьким ветром, да тонкий голосок Паши, истерически орущей что-то в пылу атаки... тут возница взял в сторону, и повозка сделала крутой вираж! медленно разворачиваясь в пыльной взвеси, она накренилась и стала на один бок, но возница, пытаясь удержать коней, изо всех сил натянул сырые вожжи... в этот миг Паша вылетела из повозки и покатила по земле! – рассеявшиеся добровольцы были далеко от неё, но Иосиф понял, что смерть совсем рядом с маленьким бойцом; повернув кобылу, он быстро поскакал вперёд и успел увидеть, как Паша, едва сидя на земле, с трудом вынимает ремингтон и целится во врагов... он летел вихрем и, чувствуя, что не успевает, не успевает! ударил шпорами кобылу! она дико скакнула и понеслась пуше! маленький боец с ремингтоном в руках вдруг шатнулся и медленно повалился... тачанка тем временем резала широкий круг, чтобы не подпустить к нему никого, никого, а Иосиф нёсся наперерез, и вот, уже влетев внутрь круга, он на полном

скаку осадил кобылу, взметнувшую копытами клубы пыли, засыпавшей поверженного бойца, который как раз открыл глаза и увидел, как, свесившись откуда-то сверху, приближается к нему искажённое предельным напряжением лицо и тянется рука, грубо хватаящая за гимнастёрку... рука заслонила мир, и Паша больше ничего не видела, – ощутив резкий рывок, она почувствовала лёгкое парение и поплыла в ночном небе, и звёзды сыпались ей в лицо... Иосиф подхватил лёгкую фигурку и уложил впереди седла... а махновская конница меж тем летела вперёд – с гиканьем, криками и диким посвистом; всё плотнее сжимали белую гвардию клещами, – со стороны Ятрани и со стороны Синюхи, вот враг дрогнул и... побежал, – одна отступающая толпа ринулась в Краснополье, другая – на Перегоновку; лабинские полки в Краснополье вынуждены были сдаться, а *литовские* не захотели плена и были безжалостно расстреляны из закипевших пулемётов; в Перегоновке белые приняли рукопашный бой, – у них не было иного выхода, – и почти все погибли, – немногие отступили к Синюхе, блиставшей под рассветным небом тяжёлой водой, но переправиться не успели, – те, кого застигли на берегу, были изрублены шашками, а остальных загнали в реку и топили винтовочными выстрелами, – так погибла огромная армия на пространстве более двадцати пяти вёрст, и не скоро ещё добровольцы оправились от этого удара... между тем батяко Григорьев, коварный предатель

всех и вся, личный враг Махно и главкома Антонова-Овсеенко, также терял захваченные города, и вскоре пала его столица – Александрия; когда из штаба приходили сводки, Иосиф мстительно шипел, проклиная Григорьева и радуясь его разгромам, это была, впрочем, такая одиозная фигура, которая могла возбудить ненависть в любом, хоть сколько-нибудь размышляющем нормальном человеке, ибо сей батька всею Малороссией признавался ненавистником людей, антисемитом и садистом, посему конец его был определён, – застрелил его сам Нестор Иванович Махно – на крестьянском сходе у Сентово, но потом и махновские дела пошли так криво, что батько не знал уж, как ноги унести: едва выйдя из-под Гуляйполя, где его армия была окружена, устремился он в сторону Румынии, которая казалась ему последнею соломинкой, – красные с ожесточением гнали его по Украине, надеясь разгромить в прах, однако он всё же ускользнул, – получив в последних сражениях две контузии и четырнадцать ранений, он прорвался через границу возле Ямполья; из страны вышли с ним семьдесят восемь человек, среди которых были Паша и Иосиф, не захотевшие бросить атамана, – все были интернированы и помещены во вшивые бараки, в которых пережили, голодая, зиму; Советы тем временем требовали выдачи Махно, и сам нарком Чичерин, несмотря на своё дворянское происхождение и высокий министерский статус, ругался отборным русским матом,

которому научил его когда-то кучер матушки, остзейской дворянки Жоржины Егоровны Мейендорф, – румынские власти к этой ругани отнеслись без интереса и сделали всё, чтобы Махно с группой соратников бежал; Иосиф при побеге отбилсЯ от батька, замёл следы и, взяв направление в румынскую глубинку, удачно залёг возле сельских поселений: решение его было более чем верным, потому как рядом с Махно недолго б он плясал, – Нестор Иванович всё мыкался в Европе и, как магнит, притягивал к себе разные напасти, – сначала жил впроголодь в польском лагере для интернированных лиц, был арестован, судим и сидел в одном из варшавских равелинов, а потом поехал в ссылку – на самый север Польши, и поляки, видать, так сильно поприжали бывшего вояку, что он даже пытался поквитаться с жизнью, – а и не судьба, ибо не мы распоряжаемся своею волей, а лишь Господь, который полагал батьке ещё целых десять лет, в течение которых много чего было: в Данциге его пленили советские чекисты и, сунув на заднее сиденье авто, отправили в Берлин, чтобы через посольство вывезти в Москву, да, знать, забыли его чудачества под Гуляйполем: дорóгой Махно выбросился из авто и сдался всё понимающей полиции, – так Совдепия лишилась показательного узника, а сам он с помощью товарищей весной бежал в Париж; Иосиф тем временем жил в цыганском таборе, и ромы почитали его за своего: он был черняв и горбонос,

чрезвычайно музыкален, прекрасно знал коней и виртуозно воровал... кроме того, любвеобильность его вызывала изумление: почти одновременно семь таборных цыганок завели младенцев, и всем было хорошо известно, кто именно стал причиной столь мощного демографического взрыва, со временем к Иосифу выстроилась очередь, – его хотели все, – и молодухи, и умудрённые опытом зрелые красотки, – он же не мог обидеть невниманием даже самую страшную соседку; шесть его любовниц воспитывали мальчиков, а седьмая, разродившаяся двойней, – мальчика и девочку; табор в то время стоял на Дунае в окрестностях Браилова, и цыгане намеревались провести ещё остаток лета в этом благодатном месте, но в последний день июля во влажных сумерках рассвета над кибитками явилась загадочная тень, накрывшая в несколько мгновений ближние окрестности: с неба к остывающим ночным кострищам спустилась фиолетовая голубица, – на одной из своих лапок она несла письмо, в котором индийские цыгане звали своих румынских братьев в Индию, – на границе с Непалом собирались они строить поселение, добиться автономии, а затем и независимости с тем, чтобы иметь возможность единения цыган всего мира на прародине; идею шумно обсуждали, придя спустя неделю к тому, что следует откликнуться на зов индийских соплеменников; расчислили дорогу и долго ещё сравнивали два пути: сухопутный и морской; сушей можно было через Болгарию, Турцию

и Ближний Восток попасть в загадочную Персию, а уж оттуда – в Индию; иной путь был длиннее, однако безопаснее: следовало добраться до Константинополя, одолеть Средиземное море, далее по территории уже освобождённого Египта выйти к морю Красному, проплыть его вдоль – по всей длине, и дальше, преодолев Аденский залив, попасть в воды моря на сей раз Аравийского, – а там уж и Индия, правда, чтобы разбить шатры на северо-востоке, у Непала, нужно было эту страну пересечь от края и до края, – да разве цыган напугаешь расстоянием? и вообще, предприятие не казалось им сложным, – политика их не занимала, и с британцами они вовсе не собирались что-либо обсуждать, делая ставку на Махатму Ганди, а дорога, добыванье питания и сопутствующие приключения были для них вполне обычным делом; однако же судьба в конце концов распорядилась так: в Египте табор распался на три части, и самая малочисленная часть пошла на север, попав спустя некоторое время в Палестину, где на берегах озера Кинéрет основала поселение, – эта странная *репатриация* совпала, между прочим, с третьей алиёй, волна которой принесла в Эрец Исраэль неистовую Голду Меир... другая часть табора – самая большая, – как и задумывалось с самого начала, морем добралась до Индии, – следует сказать, не без труда, потому что в Константинополе цыган не брали на борт ни торговые, ни тем более пассажирские суда, – тогда цыганки поснимали

с себя серьги, кольца и браслеты-дутьши, – отдав золото греческим контрабандистам, они заплатили за проезд и вскоре ступили на рубиновый берег Индостана; третья группа, в коей оказались по преимуществу наложницы Иосифа, их дети и несколько мужчин, в отличие от первой двинулась в противном направлении – на юг и после трёх лет скитаний пустила корни в Кении; была ещё потеря на железнодорожном вокзале в Бухаресте, где одна из молоденьких цыганок, как раз та, что родила от Иосифа разнополых близнецов, потеряла их посреди вокзальной суматохи, – дети канули, и только спустя много-много лет следы их сыскались в Каталонии... сам Иосиф не пошёл ни с кем, – вовремя опомнившись, остался он в Египте с намерением в ближайшие месяцы вернуться в Лиду, но по крайней мере необходимо было ему найти пути назад, почему он и решил пока что обосноваться в городских трущобах, где втёрся в шайку местных маргиналов и прожил два-три месяца, занимаясь мелким мошенничеством с этими экзотами, а 19 ноября 1924 года в Каире был убит британский генерал-губернатор Ли Стэк, ставший разменной монетой в отношениях Соединённого Королевства с упрямым королём Фуадом, – вот какое, казалось бы, касательство имела эта высокая политика к маленькому человечку, вышедшему из покинутого Богом штетла? а имела! потому что в связи с убийством возникли беспорядки, что побудило каирскую полицию

осуществить множество арестов; таким образом шайка трущобных маргиналов, не исключая и Иосифа, попала в местную тюрьму, где провела без малого полгода, после чего начальство решило проредить переполненные камеры, и Иосиф в числе других оборванцев был вышвырнут на улицу... к лету прибыл он в Париж и в попытках сыскать своего дорогого предводителя Нестора Махно приехал с оказией в Венсён, – здесь указали ему жалкое строение, по виду и по сути хижину, где обитал в полной нищете некогда всесильный атаман, добывавший себе скудное питание посредством плетения домашних тапочек... о, ирония насмешливой судьбы! чем выше мы взлетаем, тем ниже падаем... как, надо полагать, стыдно было атаману, мановением руки двигавшему ещё недавно многотысячные армии, думать о себе как об *изготовителе домашних тапочек*! и ведь он ещё страдал от ран, – старые раны мучили его и запущенный туберкулёз; приглядывали за ним жена Галина и Прасковья Чижикова, Паша, которую когда-то Иосиф спас от гибели... как она смотрела на него тогда, желая, видимо, особой дружбы, да уж непросто в те годы давались отношения, потому что вопрос для всех *ровесников века* в начале двадцатых стоял так: жить или не жить, и вовсе не было вопроса – любить или не любить, потому-то Иосиф и залёг предусмотрительно в Румынии, ведь остаться с Махно было опасно, что, кстати, доказала судьба его супруги, которую Советы арестовали уже в сорок

пятом, да и посадили аж на десять лет! – хорошо помню её фото в моём историческом альбоме и могу освежить свою память, ежели забуду: в семьдесят седьмом году я работал на московской киностудии и, будучи в Джамбуле на съёмках документальной ленты о хлопчатобумажном комбинате, посетил Галину Андреевну Кузьменко, боевую соратницу Махно; открываю свой альбом, непонятно как сохранившийся в штормах истории, осторожно трогаю истёртый почти до основания бархат, переворачиваю ветхие листы, вдыхаю их запах, который нельзя описать, а можно лишь обозначить как *запах эпох*, и снова вглядываюсь в лица на старых фотографиях: вот на первых листах его Галина Кузьменко стоит рядом с Махно, – яркая, целеустремлённая, волевая, с безумными какими-то огнями в глазах... пролистываю альбом, и вот она же – это моё собственное фото – тихая, скромная старушка в деревенском платке: благостно улыбается, глядя на меня из далёкого уже семьдесят седьмого года, а в огромных глазах её – та же воля, та же устремлённость и те же безумные огни! правда, она не поверила, чувствуя какой-то подвох с моей стороны, что Иосиф в самом деле мой дедушка, и даже фотографии конца девятнадцатого года, которые я достал, вовсе её не убедили... впрочем, в сторону жену Махно, речь ведь не о ней, а о моих дедушке и бабушке, которые быстро собрались, простились с батькой и, что называется, на перекладных вскоре добрались до Лиды, – здесь Иосиф почти сразу

крестился, чтобы жениться на Паше, и вскоре у них родилась маленькая Соня, а счастливый отец, после явления ребёнка вроде бы утомившись, отправился устраиваться на лидский пивоваренный завод, основателем которого был человек с опереточной фамилией Пупко, – этот Носель Зеликович к тому времени уже почил, и делами заправлял его сын Мейлах, – к нему-то и явился Иосиф наниматься на работу, но Мейлах такого работника не хотел, зная за ним молодецкие грешки, да и отказал, более того – ему работники и вообще были не нужны: за десятилетнюю эпоху войн и революций некогда процветающий завод пришёл в упадок; в двадцать пятом у Мейлаха работали всего два десятка человек, а пива выпускали в семь раз меньше, нежели перед войной; увеличить выпуск было трудно, так как политика во все века регламентировала жизнь и работу человека: в двадцатом году в Лиду вступила Вторая армия Войска Польского под командой генерала Эдварда Рыдз-Сми́глы, который, между прочим, в Божьих списках вовсе не значился военным, а значился – художником, которому, если бы не кровавые передраги начала двадцатого столетия, суждено было стать вровень, может быть, с самим Матейко, – у него был большой талант и фундаментальное образование, полученное в Ягеллонском университете и в Академии искусств в Кракове; вот рисовал бы он, к примеру, батальные полотна, изображающие Грюнвальдскую битву или парадные портреты, скажем, маршала Пилсудского –

в исторических доспехах князя Ягайло, и ещё неизвестно тогда, как пошла бы советско-польская война, результатом которой стал Рижский договор, – по нему Лидский повет со всеми потрохами отошёл к державной Польше, – и Лида, разумеется, – вот почему Иосиф не получил работы у Мейлаха Пупко; причинно-следственные связи здесь выстроились так: местное крестьянство и городская беднота так обнищали, что пили только воду, пришлые поляки пиву предпочитали чёрный кофе, к тому же новые вожди насаждали антисемитизм и призывали бойкотировать еврейские товары, – оптовые склады бровар утратил, сбыт упал, и вот результат – лишние люди заводу не нужны; так Иосиф остался не у дел, и спасибо, таким образом, Эдварду Рыдз-Смиглы и Мейлаху Пупко, благодаря которым мой дед стал миллионером и закопал для внучка, то есть для меня, небольшой сундучок с червонным золотишком – в укромном уголке замка Гедимины, откуда мне его уж и не взять; в новых обстоятельствах хитрый Иосиф не вернулся к своей профессии благородного разбойника, ибо понимал: с панами шутки плохи, вмиг окоротят, это тебе не еврейских коммерсантов безнаказанно трясти! он стал наносить визиты влиятельным лицам польской администрации, представляясь успешным предпринимателем и даже концессионером, сделался завсегдатаем Виленского магистрата, Воеводского ведомства, финансового отдела Торгово-промышленной

палаты, свёл знакомства с сильными мира сего и стал вхож во все хотя бы мало-мальски значимые дома местного бомонда; одевался он блестяще, носил в петлице золотой брегет с цепочкой и пах садовыми фиалками, более того, общаясь с влиятельными лицами, был строг, учтив, предупредителен, а дам поражал хорошими манерами, изысканным вкусом, широкой эрудицией и оказывал им ненавязчиво любезности, не скупясь на комплименты, – где он нахватался этого сиропу – черти знают, не у Махно же, в самом деле! но важен результат – везде он был в фаворе и везде были у него *свои*; продукты брал он на складах, мануфактуру ему просто доставляли на дом, и очень скоро всю Лиду наводнил он своими векселями; натурально уверяя всех, что в Вильне, Лодзи и, разумеется, Варшаве имеются у него успешные и процветающие предприятия, стал человеком *с возможностями* и постепенно втянулся в такие аферы, которых до него за всю свою семисотлетнюю историю не знала Лида: он брал подряды, бесконечно что-то строил, перестраивал, приводил и без того прекрасное в состояние изумительного совершенства, – прожекам его не было числа; под какую-то недвижимость мифического свойства умудрился он взять в Виленском земельном банке немислимую по тем временам ссуду, и то было лишь начало: имея в кармане кучу рекомендательных и аттестационных писем от именитых людей края, Иосиф взял ссуды ещё и в Банке Польском, в Кассах

Стефчика и в Почтовой сберегательной; непостижимым образом этому обаятельному проходимцу все верили безоговорочно, — дошло до того, что ему ссудили деньги даже лондонский *British Overseas Bank* и голландский *Suikermaatschappij*, куда он влез благодаря посредничеству Брестского отделения Сахарного банка, который курировал сахарное производство; да! следует сказать, что после получения этого кредита Иосиф снёсся со своими цыганами, к тому времени уже прочно обосновавшимися в Индии, и отправил к ним целую стаю почтовых голубей, надёжно прикрепив к их лапкам двадцатидолларовые золотые монеты 1882 и 1894 годов, на реверсе которых над изображением белоголового орлана значилось *IN GOD WE TRUST*, что незнакомый с языками Иосиф переводил так: мы, дескать, *доверяем Богу*, а раз так, то и вы нам доверяйте! — на эти деньги цыгане закупили у индийцев сахар и отправили нашему герою, он же, вдвадорога впарил его Сахарному банку, с этих денег вернул ссуду, проценты, да ещё и наварился; дальше — больше: Виленский земельный банк после войны выпускал залоговые векселя и в конце двадцатых платил по ним немислимые тринадцать с половиной процентов с номинала, так Иосиф всеми правдами-неправдами скупил их столько, сколько смог, и не прогадал, — банк исправно платил дивиденды даже в годы мирового кризиса; чуть позже Иосиф свёл короткое знакомство с амбициозными основателями

Сельскохозяйственного банка, Здиславом Людкевичем и его братом Северином, которые поддерживали *осадников*, открывая льготные кредиты их хозяйствам, – Иосиф так очаровал братьев, что эти доки, которые на деньгах собаку съели, с удовольствием *порадели родному человечку* и дали ему кредит для обустройства осаднических поселений и проведения мелиорационных работ в ближайших к ним окрестностях, – Иосиф бодро засучил рукава, поставил ограждения, вбил в землю сотни колышков и раструбил во всех газетах о своих знаменательных победах, – дело тем временем стояло, а деньги размножались, крутятся в банках; между тем начал он приготавливаться к неслыханной афере, которая сулила ему безоблачную жизнь до окончания его века: кружными путями узнал он, что Москва планирует беспрецедентную продажу императорских сокровищ, ожидающих своей участи в Гохране, – это был второй раунд продаж после серии масштабных сделок с доктором Армандом Хаммером, – и вот наш предприимчивый артист, – в смысле артист своего дела, – нанял человечка, который, втеревшись куда надо, провёл в Министерстве внешней торговли и в Фонде валютного управления Наркомфина необходимые дебаты, согласно которым в обмен на царские брильянты Иосиф обязался поставить Советам через *General Electric* – гигантские турбины, а через заводы Круппа трансформаторы, – СССР в те годы уже всюду строил

Днепрогэс, но валюты на покупку дорогого оборудования в стране сильно не хватало, – продавали нефть, лес и хлеб, вырывая его из глоток в первую очередь забитых сельчан, более того, – чтобы пополнить казну, душили деревню прямыми и скрытыми налогами, уронили цены на сельхозпродукцию, а на промышленные товары против прежнего – повысили, – денег всё равно не было в достатке! тогда и решили снова уступить западным дельцам кое-какое золотишко: в ход пошли ювелирные украшения царского двора, яйца Фаберже и много ещё разного добра, присвоенного впопыхах новой властью, – так пошло кое-что в Америку, в Европу, а Иосиф в качестве жеста доброй воли перевёл часть своих кредитов в Наркомфин; следует сказать тут, что распродажа ценностей Гохрана велась тайно, поэтому брильянты добрались до Иосифа конспиративными путями, – хранить их на территории Второй Речи Посполитой было глупо, потому что Иосиф, как всякий аферист, обладал хорошей интуицией, которая сообщала ему большие перемены в будущем, – прекрасно сознавая это, он двинулся в сельскую глубинку, нашёл там знатных овцеводов, да и купил у них целую отару; половину животных он пустил под нож, мясо продал, а шкуры выделал и надел на оставшихся овец, – эти овцы одной прекрасной ночью перешли западную польскую границу и через Германию перекочевали в Амстердам, где животных раздели, сняли с подкладок их *тулупов* ювелирные

украшения и камни да поместили всё это счастье в *Stadsbank van Lening* – один из старейших нидерландских банков, на имя, разумеется, Иосифа... так стал он одним из самых богатых граждан Польши, что, впрочем, не добавило ему ни счастья, ни покоя... и вот открываю я иной раз свой чудесный альбом, непонятно как сохранившийся в штормах истории, осторожно трогаю истёртый почти до основания бархат обложки, переворачиваю ветхие листы, вдыхаю их запах, который нельзя описать, а можно лишь обозначить как *запах эпох*, и вглядываюсь в лицо своего неугомонного деда, стоящего рядом с бабушкой возле скромного одноэтажного дома, который в сравнение не идёт с домами зажиточных аборигенов или пришлых поляков... зачем ты, дедушка, с такою истовою страстью стремился стать богатым? копил американские монеты, владел миллионными счетами, хранил в банковских ячейках уникальные ювелирные изделия? – мы его похоронили в восемьдесят пятом, ста пяти лет от роду, и всё его богатство составили два ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, орден Славы третьей степени, Отечественной войны второй степени и целая куча медалей, которые он хранил в коробке из-под обуви... к чему скрывать, – от прежней буйной жизни осталась у него в потайном схроне занятная вещица – антикварный аграф возрастом не менее ста пятидесяти лет, тончайшей работы – зеленовато-жёлтого золота букетик незабудок, усыпанный брильянтами; камней

на нём, правда, почти и не осталось, они спасали семью во времена послевоенного голода, да и потом не раз выручали в трудные периоды советской жизни... я всё всматриваюсь в лица на старых фотографиях и осторожно, кончиками пальцев поглаживаю шероховатый *унибром* – дед, бабушка... дедова мама – сидит на скамеечке у дома, и так похожа она чем-то на снятую мной в семьдесят седьмом вдову Нестора Махно, – такой же деревенский платок, такая же благодатная полуулыбка и такие же безумные огни в глазах... это поколение вообще было отмечено некоторым сумасшествием, а дед Иосиф и подавно в кое-какие периоды своей жизни выходил за пределы строгого регламента и, вытворяя порой совершенно немыслимые вещи, злостно нарушал установления режимов, при которых довелось ему и так и сяк испытывать судьбу... чёрта ли надо было ему в его многочисленных аферах, не из-за денег же он столько колотился... думаю я теперь, не успевши хорошенько расспросить его при жизни, что разбойничьи дела нужны были ему ради куражу и ощущения яркости земного бытия; он любил буйно раскрашенные цветы, вихри сражений и барабаны артиллерийских канонад, любил конную атаку и грохот копыт взбесившихся эскадронов, он обожал неразведённый первач и непередаваемый шарм пышных брюнеток с вульгарными губами; когда он бродил с цыганами в Румынии, мир представлялся ему несовершенным, но то было лишь в начале странствий; в детстве он плохо

различал цвета, а в зрелости разноцветные юбки цыганок помогли ему обрести настоящую свободу взгляда; цыгане научили его правдоподобно лгать, и спустя годы он стал рассказывать баснословные истории людям, от которых зависело будущее родины... его обожали женщины, собаки, лошади... окна его дома облюбовали стройные удода в красивых опереньях... цирковые артисты были без ума от него, городские и полицейские за честь почитали перекинуться с ним иной раз ласковым словом, а капитаны дальнего плавания, слушая рассказы записного враня, умолкали обычно, не в силах противопоставить его байкам свои заморские сказанья; когда он принял на себя имя Лидский Робин Гуд, окрестные бедняки жили его лихим разбоем, когда же благодаря фальшивым подрядам, мифическим концессиям и несуществующим стройкам, провозглашённым в сопредельных странах, он разбогател, Лида получила вполне осязаемые бонусы: при его непосредственном участии в городе открылась женская гимназия Новицкой на полсотни учениц, были отремонтированы фарный костёл, синагога, гарнизонная церковь 172-го пехотного полка и даже здание городской Полицейской управы, к нему приходили с прошениями кустари, ремесленники, мелкие предприниматели – получив безвозмездные ссуды, они открывали мельницы, лесопилы, мастерские, а в конце двадцатых он помогал устроить мотоциклетное ралли Лида – Варшава и не

упустил, конечно, возможности участвовать, — оседлав новенький *Harley-Davidson* 1928 года, он помчался на запад, пролетел Гродно, Белосток, в Замбруве задавил курицу, в Острув-Мазовецке возле городской ратуши въехал в полуторавековое дерево, помнившее ещё, надо думать, самого Костюшко, и, совсем чуть-чуть не добравшись до финиша, буквально в десятке километров от Варшавы свалился в глубокую сырую балку; он любил жизнь во всех её проявлениях и не мог, конечно, прожить век тихим обывателем провинциального местечка... дети его были такие же, как он, мы помним: шесть мальчиков, рождённых от него цыганками, прижились в Кении, потерявшиеся близнецы — в Испании, ещё мальчик, явившийся на свет в Египте, вырос на берегах озера Кинерет, и ещё один мальчик, тот, что родился в трюме корабля во время плавания по Красному морю, — в Индии, кроме того, в двадцать шестом у дедушки с бабушкой уже в Лиде появилась маленькая Соня, да только, заглядывая в глаза новорождённой, родители видели в них какую-то невнятную смертную тоску, сообщавшую им, что девочка не продолжит род и вообще неизвестно, доживёт ли до юношеских лет, — Прасковья, её мать, родилась в начале века в своём древнем Чижикове не в больнице и не дома под присмотром акушерки, а на солнечной июльской пасеке, которую держал Красивый Чижик, её благодостный отец; приведя жену на пасеку, он постелил ей возле ульев

чистую дерюжку, чтобы она могла спокойно отдыхать, пока пчёлы делают свою работу... а она так любила пасеку и её дурманный запах, в котором звучали ноты мёда, прополиса, перги и золотых медоносов! – задремав в ласковой тени сиреневых кустов, она и не ощутила, как ребёнок выбрался наружу и громким криком разбудил её... прибежал Чижик, и окрестные птицы слетелись взглянуть на младенца, а пчёлы, оставив на минутку работу, с интересом опустились подле; отец перерезал пуповину и завернул дочь в свою рубаху... малышка лежала под сиренью, морщила лобик и, казалось, сосредоточенно вслушивалась в *согласное гуденье насекомых*... запах пасеки всегда сопровождал Прасковью, и даже после боя, когда, казалось, пороховая вонь безраздельно овладевала всем пространством, одеждой и телами воинов, Паша всё равно пахла мёдом, прополисом, пергой и золотыми медоносами... сто лет спустя я приходил на Николо-Архангельское кладбище, где похоронены бабушка и дедушка, и, сидя на скамеечке возле их могил, всегда чувствовал знакомый запах, даже если случалось прийти туда зимой, – снег возле их мраморных камней пах нагретыми на солнце ульями, и я, глядя из своего белого дня в глубину их могил, видел: они лежат рядом, держа друг друга за руки, и теперь уже ничто и никогда не потревожит их любви... а Соня от рождения тоже пахла мёдом, как и Прасковья, родившаяся посреди пчелиных домиков; впрочем, все дети

Иосифа были наособицу: тот, что жил с матерью в Святой земле и звался Давидом, стал впоследствии самым молодым членом *Лехи* – террористической группы, напоминавшей чем-то Боевую организацию эсеров, о которой он, впрочем, ничего не знал, позже вступил он в *Хагану́* – сионистское подпольное объединение – и дважды сидел в древней тюрьме Акко, потому что британцы объявили Хагану вне закона; имя Давида было хорошо известно, и через небольшое время он стал командиром одной из двух ударных рот *Пальма́ха*, военизированной части Хаганы, сражался в Ливане и Сирии против вишистов, был трижды ранен и уже тогда стал легендой, а в период Суэцкого кризиса гремел в Генштабе и позже сыграл существенную роль в ходе Шестидневной войны; умер он, в общем-то, нестарым в восемьдесят третьем, не достигнув даже шестидесяти лет, и похоронен был с воинскими почестями, соответствующими чину бригадного генерала, присвоенного ему после блестящих побед в войне Судного дня, – в сущности Давид был самый настоящий триумфатор, но перед смертью он не вспоминал свои триумфы, а вспоминал лишь короткое пребывание в Лехи, куда он вступил, будучи совсем мальчишкой, после знакомства с одним из его лидеров, носившим звучный псевдоним Яир, то есть *свечок*, – этот свечок был поэтом, писавшим огненные стихи о сладости свободы и, между прочим, знатоком древнегреческого и других мёртвых языков, – с ним Давид ограбил тель-

авивский Англо-Палестинский банк на гигантскую по тем временам сумму в пять тысяч фунтов стерлингов, которые пошли чуть позже на подрыв в Хайфе иммиграционного бюро, занимавшегося отправкой нелегальных иммигрантов на Маврикий, – теракт был ответом на враждебную политику Британии: с началом войны Черчилль, не желая ссориться с арабами, закрыл для еврейских беженцев палестинские порты... и много чего ещё успел Давид под руководством своего бешеного командира – Лехи продолжала грабить банки, нападать на оружейные склады и с завидным постоянством отстреливать агентов Центрального сыскного управления, но в январе сорок второго коса нашла на камень: при попытке налёта на банк Гистадрута в том же Тель-Авиве были убиты два клерка, на беду оказавшихся евреями; тут терпению обывателей пришёл конец, – Лехи терпели, пока её бойцы отстреливали англичан, но теперь... вдобавок британцы посулили тысячу фунтов за голову Яира и произвели массовые аресты, – полторы сотни членов Лехи, и, само собой, Давид – один из них, попали в тюрьмы, а вождя-поэта вынули из платяного шкафа в тель-авивском схроне, где он прятался, – взяли его инспектор Мортон и констебль Уилкин; когда Яир был уже в наручниках, Мортон вынул *беретту* и вышиб мозги ненавистному знатоку древних языков; в отчёте было сказано: *при попытке к бегству*, но все знали, что никакого бегства не было, потому что в участок убитого

так и доставили в наручниках... Мортон потом никогда не испытывал ни тоски, ни раскаяния, ни тем более каких-то угрызений совести, – в отличие от Давида, который во всю жизнь свою не мог забыть двух убитых им людей, абсолютно ни в чём не виноватых клерков, – если ты на войне, тебя не посещают призраки погибших, сливающихся со временем в абстрактную и бесформенную массу, но мучают, беспокоя твою совесть, случайные жертвы, мученики рока... так точно и близнецы Эрнесто с Анхелиной, потерявшиеся в своё время на бухарестском вокзале и попавшие благодаря усыновителям в Испанию, почти год до самой своей гибели не спали по ночам – оттого, что окровавленные призраки сжитых ими со свету людей приходили и всё задавали какие-то трудные вопросы, на которые те не могли никак ответить, и в попытках сыскать ответы ворочались бедные близнецы аж до пробуждения, не в силах отвязаться от видений; с началом Гражданской войны они рванули прочь из дома и воевали сначала под Севильей и вообще на юге, в Андалусии, где, собственно, и случился путч; они даже подносили патроны в битве при Хараме, а потом, когда в Испании уже появились иностранные спецы, их заметил один русский с фамилией Харитонов, – во всяком случае, под этой фамилией он официально воевал, кличка у него была – Хромой, к нему все так и обращались – *товарищ Хромой*, – в самом деле он сильно припадал на одну ногу при ходьбе, и то было следствием какой-то передраги,

о которой он никогда ничего не говорил, – тот Хромой был специалистом по операциям в тылу, иными словами – диверсантом; близнецов приглядел он под Гвадалахарой и взял их в свой отряд ради того, что они были мелкие, худые, вёрткие и весьма подвижные, но более всего привлекли его глаза брата и сестры, – умные, пристально глядящие, внимательно изучающие, – от этих цепких глаз не ускользала ни одна деталь, ни один штрих окружающего мира, то были настоящие цыганские глаза, мгновенно распознающие опасность и так же мгновенно примечающие возможности выгодного положения; скоро они обучились подрывному делу и стали настоящими профессионалами; Хромой держал их при себе и использовал в тех случаях, когда взрослых бойцов использовать было невозможно; целый год они воевали под его началом и действовали всегда так осторожно и умело, что за всё время опасной работы не получили ни царапины, а результатами могли гордиться: на их счету были взорванные автомобильные пути, колонны грузовиков, склады, линии связи, мосты и воинские эшелоны; последний железнодорожный состав – паровоз и три вагона – оказался роковым, – после его подрыва они как раз и перестали спать: поезд был пассажирским и прошёл в то время, которое согласно разведанным было означено для эшелона с солдатами и вооружением, – как такая ошибка могла произойти, никто понять не мог, – случилось это после потери Теруэля и наложилось на все неудачи

республиканцев той поры; Хромой после инцидента чуть не потерял отряд, а близнецов вообще было приказано отправить в тыл с бессрочным пребыванием, полковник Хесус Перес Салас, командующий армейским корпусом, которому придана была диверсионная группа Хромого, рвал и метал, но... благодаря заступничеству Штерна, главного военного советника при правительстве республиканцев, который тогда носил имя Григорович, дело замяли, и всё осталось на своих местах, только близнецы с тех пор утратили покой и уж никогда больше не спали до самой своей гибели, случившейся через некоторое время под Кордовой: группа Хромого получила задание взорвать эшелон с боеприпасами на перегоне Пеньярроя – Кордова, – перед тоннелем, заодно закупорив тоннель; к железной дороге вышли семеро, – в том месте, куда они попали, рельсы скруглялись, делая плавный поворот, и далее километра два шли прямо, что позволяло поезду набрать скорость перед входом внутрь каменного монолита; за поворотом Хромой установил на шпалах автомобильную крышку, набитую взрывчаткой и снабжённую широкой петлёй из металлического троса; Эрнесто с Анхелиной были в группе страховки неподалёку от тоннеля, – в случае неудачи с крышкой они должны были привести в действие *адскую машину*, зарытую под рельсы, и вот – всё готово, издалека близнецы видят промельк красного флага и слышат нарастающий гул несущегося поезда... вот

он преодолевает поворот и, грохоча, выходит на прямую... скорость его становится быстрее, и колёса, словно вырвавшись из-под власти человека, бешено крутятся в осях... тут Эрнесто, машинально тронув подведённый к взрывному устройству провод, замирает: провод свободно висит... это значит, что соединения с устройством нет, – Эрнесто, глядя из укрытия, видит, как с лязгом и скрежетом надвигается на него раскалённая громада... решение надо принять сей же час, и он принимает его: рванувшись вперёд, бежит к рельсам и боковым зрением видит, как машет ему издали красным флажком командир... поезд летит, визжа... следом за братом выскакивает из укрытия Анхелина, и они вдвоём несутся, пригибаясь, к железнодорожной насыпи... между тем паровоз уже захватил своей сцепкой стальную петлю автомобильной покрышки и поволок её за собой, – проволока взрывателя уже начала своё неумолимое движение, и детонатор застыл на мгновение, прежде чем надёжно вспыхнуть... Эрнесто споткнулся и упал, но тут же и поднялся... в шаге от него, едва поспевая, бежала Анхелина... красный флажок отчаянно метался вдали, а паровоз грохотал совсем рядом... форс пламени мигнул во тьме самодельной мины, пыхнул и поджёг детонатор! в этот миг близнецы были уже близко-близко от ревущего состава, и Эрнесто, приподняв провод, увидел его сорванные нити... в доли секунды температура в детонаторе скакнула, и гигантское давление

всем фронтом метнулось к взрывчатке! раздался хлопок, и мощный огненный столб рванул в небо впереди вагона... мгновение! страшный грохот взорвавшихся боеприпасов разнёсся по окрестностям, и обжигающий вихрь взрыва в клочья разорвал стоявших совсем близко близнецов... на полном ходу поезд влетел в тоннель, и вся скальная громада стала содрогаться в конвульсиях – один за другим вагоны взрывались внутри тоннеля, и из устья его, словно из жерла вулкана, вырывались снопы багрового пламени... так погибли бессмысленно и бесполезно героические близнецы, оспорив предначертание судьбы, назначившей им ордена и пьедесталы после трагической битвы на Эбро и горечь поражения под Таррагоной, а потом и позорное интернирование на границе с Францией; правда, потом, спустя годы, рок должен был сжалиться над ними: было им предписано ещё повоевать на Апеннинах – в Гарибальдийских бригадах и триумфально закончить войну в освобождённой американцами Болонье... потом, в мирное время, Эрнесто, я думаю, наверняка бы стал военным, а Анхелина – многодетной матерью и домохозяйкой... кто знает, может быть, с началом перестройки мне удалось бы найти их, ведь я люблю копаться в архивных документах, – и вот я поехал бы в Испанию повидать моих родных... это близкие родные, тётя с дядей... а и не срослось... судьба – это Бог? или Бог – это судьба? кто вычерчивает изгибы наших

дорог и помечает их зашифрованными значками неведомых доселе пунктов? – не суждено было мне узнать моих цыганских тётю с дядей, шестнадцати лет ушли они туда, где мы ещё увидимся... наверное, увидимся... а вот судьба той части табора, которая попала в Кению, хоть и оказалась в принципе иной, а всё же... первые годы кенийский табор прожил относительно спокойно, подружившись с местным племенем кикуйю, и шесть сыновей Иосифа подрастали вместе с детишками аборигенов на окраине гигантского массива джунглей, а потом, вымахав со временем в здоровенных мужиков, стали выбирать себе невест из местных, да не тут-то было, – вы хотите жить тихо, выращивая маниоку, жениться и рожать детей? нет, этого не будет! – вы станете сражаться! – и неважно с кем, хотя в данном случае, говоря казённым языком учебников, вы будете сражаться с британским империализмом: в пятьдесят втором году в Найроби начались пожары, налёты на фермы и убийства белых, – не жалели и своих, местных управленцев, резали скот и громили колониальные имения; ещё в сорок восьмом колонизаторы узнали о *мау-мау*, организация которых в официальном варианте называлась *движением За землю и свободу*... вот эти мау-мау и *сблатовали* моих дядьёв на священную войну: по всей Кении формировались секты, проповедующие особые религиозные культы, то была смесь вульгарного христианства с колдовскими представлениями предков, –

широко применялись ритуалы, чёрная магия и шаманские камлания; в сорок девятом шестеро сыновей Иосифа, которых звали Джебхуза, то есть Меченосец, Нгози, то есть Благословение Господне, Рунако, то есть Прекрасный, и Фуду, что вообще-то переводится как Черепаха, но образно понимается как Весьма Медлительный, а также Чймола, что означает – Разрушитель, и Тафари, что можно трактовать как Страх Внушающий; так вот, эти парни, гласит кенийская легенда, были приняты в отряды мау-мау и прошли инициацию одной январской ночью: под страхом смертной казни поклялись они не отдавать британцам землю, не пользоваться европейскими вещами и в священной тайне хранить секреты секты; впоследствии они стали личной гвардией предводителя повстанцев Дедана Вачиури Кимати; главной причиной противостояния была не политическая зависимость от колонизаторов, а беззастенчивый отъём земель у аборигенов, – более того, англичане выселяли кикуйю из родовых жилищ, что для них было хуже смерти, потому что под порогами домов они хранили кости предков, служившие оберегами; трогать кости запрещалось, а британцы понять это не могли, за что и поплатились: безжалостные отряды мау-мау во главе с Кимати громили местные администрации и вовсе не стеснялись в средствах, – колонизаторы отвечали, а потом ещё и принялись раскалывать нацию: с помощью иезуитских приёмчиков натравили одних кикуйю на других,

и в стране началась междоусобная резня, – свои резали своих, – часть племени оставалась верной империи, часть – воевала в отрядах инсургентов; возглавляли эти отряды преимущественно белые, притемнявшие свою кожу перманганатом калия, то есть марганцовкой, и одевавшие пропотевшую одежду убитых мау-мау, чтобы не спугнуть чужим запахом повстанцев; угрозами и посулами корона привлекала в свои ряды и мирных жителей, которые с мачете в руках прочёсывали джунгли и в случае обнаружения партизан рубили их на куски; продолжалось всё это до пятидесяти седьмого года, когда погиб Кимати, а с ним вместе и шестеро сынов Иосифа, рождённых румынскими цыганками, – семнадцатого октября пятьдесят шестого вождя повстанцев ранили в Центральной провинции, у Ньери, но, прикрываемый братьями, он ускользнул и в течение двадцати восьми часов непрерывно шёл по джунглям, – братья вели его и охраняли, он шёл, не обращая внимания на раны, и так маленький отряд прошёл более восьмидесяти миль, но на четвёртый день пути Кимати упал без чувств, и ещё несколько времени братья несли его попеременно – до тех пор, пока не наткнулись на местных полицейских... после суда Кимати повесили, а братьев отправили в концлагерь, – несколько месяцев их мучили, ежедневно отрезая от каждого кусок кровоточащей плоти, потом оскостили, а перед казнью – ослепили... хотели выпытать у них сведения об остатках мау-мау, но так ничего

и не добились: в конце марта пятьдесят седьмого Джебхузу Меченосца, Нгози Благословенного, Рунако Прекрасного, Фуду Медлительного, Чимолу Разрушителя и Тафари Внушающего Страх под проливным тропическим дождём прилюдно повесили на одной из площадей Найроби, а именно там, где стоит нынче памятник отчаянному и непримиримому Кимати, как и в жизни, крепко сжимающему в руках знаменитую винтовку *Ли-Энфилд*... что мог знать о своих несчастных братьях мальчик Хариш, родившийся в трюме корабля во время долгого плаванья к берегам рубинового Индостана? – ничего не знал! – он жил с матерью в большом таборе на окраине Калькутты, потому что до вожделенного Непала эти путешественники решили не идти; в Калькутте им понравилось, – здесь было легче притереться и посреди большого скопления народа проще было добывать еду себе и детям; мечта о цыганской автономии – хорошая мечта, но только не в двадцатом веке, да и чёрта ли кочевому племени в этой автономии? – сегодня табор в Калькутте, а завтра уж в Бомбее, послезавтра – в Дели, и дальше, глядишь, снова какая-нибудь граница впереди, к тому же автономия – это политический вопрос, а в политике цыгане не сильны, впрочем, Хариш, имя которого на хинди значило *принц обезьян*, как-то вышел из традиции и, подросши, увлёкся этими делами, – уже в двадцатилетнем возрасте он читал газеты и сочувствовал Индийскому национальному конгрессу; кумиром его был,

конечно, Ганди, – этот интерес его сгубил, хотя, взглянув трезво, легко понять то, что и вовсе не интересующихся политикой людей сжила со свету чья-то злая воля, – вот Хариш и стал случайно на её пути, а путь этот пролегал через Калькутту 16 августа 1946 года: много лет партия Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига совместно бились за независимость страны, и к сорок шестому году Британия созрела для решения вопроса, однако Джинна, лидер мусульман, который чуть ли не три десятилетия шёл рука об руку с Ганди, вдруг заупрямился и предложил разрубить субконтинент на индуистскую Индию и мусульманский Пакистан; Ганди, да и весь конгресс мечтали о единой Индии, поэтому Джинне ради достижения компромисса предложили даже пост премьер-министра в правительстве, однако он резко отказался и провозгласил *хартал*, – что-то вроде тотальной забастовки, волею рока переросшей в дичайшую резню, унёсшую жизни пяти тысяч человек, – как индусов, так и мусульман; в этой бойне погиб и наш Принц Обезьян, которому действительно повиновались все околоскалькuttские приматы; Хариш попал под руку обозлённым мусульманам, и толпа растерзала его... напрасно кричал он озверевшим фанатикам, что насилием ничего не добьётся, вспомните Махатму Ганди! – никто его не слушал, потому что перед ним были и не люди, а свихнувшиеся звери: Хариша забили палками и железными прутами... то был страшный

день, когда тела убитых вывозились с улиц Калькутты армейскими грузовиками, но в августе сорок шестого кровавый молох гражданского безумия ещё не насытил окончательно своё бездонное чрево: через год страна получила независимость, что снова привело к кровавым столкновениям и унесло более полумиллиона жизней, не говоря уж о гигантской миграции, которая потащила по стране двенадцать миллионов человек! а Иосиф между тем думал, что дети его устроены в раю Индии, и вовсе за них не беспокоился, больше переживая за Соню, сообщающую родителям что-то непонятное своими странными глазами, – в тридцать первом родился у Иосифа и Паши ещё мальчик, – самый обыкновенный и с обыкновенным взором, живой, подвижный и большой шалун, назвали его Лёнкой, Леонидом, – восьми лет его уже брали писать фрески в храмах, доверяя ученической кисти нимбы и одеяния святых, – парень был семи пядей во лбу и обещал вырасти в серьёзного художника, ему заказывали даже вывески для питейных заведений Лиды, а ведь это – настоящее признание; Иосиф тем временем спокойно работал, не оставляя свою благотворительность, – аферы его не прекращались, хотя были и в самом деле полезные проекты, – в середине тридцатых, например, при его непосредственном участии открылась мужская купеческая гимназия монахов-пиаристов, – потому как городок хоть и почитался штетлом,

а католиков проживало в нём чуть не половина от общего числа насельников, – и где было обучать католических детей? – ещё во времена мотоциклетного ралли Иосиф подружился с президентом Польши Игнатием Мосцицким, приехавшим в Лиду приветствовать тогдашних байкеров, так президент настолько был любезен, что без разговоров предоставил нашему герою подряд на строительство этой экзотической гимназии и, кроме того, – льготные кредиты, которые Иосиф использовал с большим толком, построив заодно на бывшей Виленской, а в тридцать шестом году уже Сувальской улице просторное училище *Гадание и Иллюзион*, где учились впоследствии многие известные циркачи, фокусники и просто аферисты; Иосиф сам стал директором училища и, кроме того, преподавал там искусство гадания, которому научили его румынские цыгане и которым владел он в совершенстве, – он учил студийозов гадать на картах, воске, кофе, книгах, на рисовых зёрнах, сновидениях, на охапке дров, на ложках, рукавицах и, само собою, – с помощью зеркал; учился у него и известный лидский вор Витольдик, который был, конечно, никакой и не Витольдик, а банальный Витя; этот Витя три года держал в священном страхе весь повет: сколотив шайку так называемых *korsarze*, то есть корсаров, он грабил банки, страховые общества, почтовые отделения и магазины и даже как-то раз в порту Данцига взял на абордаж эскадренный миноносец *Вихрь*, который считался флагманским кораблём

флота, – этот Вихрь – по-русски *ветер* – был самым мощным судном предвоенной Балтики, что не спасло его, впрочем, от гибели впоследствии, 3 сентября 1939 года, когда четыре самолёта 186-й авиаударной группы люфтваффе четырьмя бомбами угробили его... а в те годы, когда миноносец был в силе и нёс в потёмках бортовых сейфов казну польских военно-морских сил, его атаковали лидские корсары во главе с Витольдиком, – после боя, перестрелки и взаимных потерь казну сняли с борта и благополучно унесли; Витольдик был дерзкий и удачливый; претендуя на владения Иосифа, он собирался, что называется, *отжать* у него бизнес, и отжал бы, думается мне, потому что Иосиф считался всё-таки благородным разбойником, – зря, что ли, звали его Лидский Робин Гуд? – Витольдик же не хотел знать субординации и предполагал все вопросы решать при посредстве грубой силы, но... два роковых обстоятельства сыграли роль в его судьбе: сначала он влюбился в Соню и, придя к Иосифу, сказал ему: *пан Иосиф, я имею интерес до вашей Сони*, на что отец прекрасной дочки возразил: *а мне такие босяки в семье не нужны! я приличный человек и смею вас уверить, пан Витольдик, доча моя и без вас не будет олте мойд, то есть старая дева, поэтому вот вам мой совет: бросьте глупостей и тоже станьте приличный человек!* – тут рок занял сторону Витольдика, хоть парень вовсе и не собирался преобразаться в того, кого хотел видеть его так и не состоявшийся тесть, всё случилось

против воли предводителя, но ради его жизни: однажды в четверг корсары отправились в лидское железнодорожное депо с намерением ограбить почтовый поезд Виленского казначейства, однако Некто безжалостной рукой заранее расставил все фигуры на этой небольшой шахматной доске. демонический Витольдик в белоснежной тройке, сжимая револьвер в руке, стоял рядом со своим помощником Зденеком Ковальчиком, также облачённым в светлый костюм, их ближайшие помощники ждали сигнала, находясь по сторонам... восемь рядовых боевиков вглядывались в подходящий поезд, стоя под стенами пакгаузов, – фронт соперника состоял из машиниста и помощника, которые были одеты в чёрные тужурки... остальные – офицеры и солдаты, охраняющие поезд, вовсе не думали, что им придётся принять сейчас навязанный бой, и со скучающим видом ехали на своих означенных инструкцией местах; люди Витольдика собирались перебить охрану и загнать поезд в один из тупиков; Витольдик пальнул первым, и это стало сигналом; действие развивалось стремительно, – корсары выдвинулись на линию огня и принялись стрелять навстречу несущемуся паровозу... военные отвечали... Витольдик что-то кричал раненому в грудь Ковальчику, а боевики, злобясь, продолжали стрельбу; охрана поезда была словно на ладони, но никто из сопровождения не был ни ранен, ни убит – солдаты и офицеры стреляли из вагонных тамбуров и с тендера; корсары Витольдика ринулись вперёд,

выставив свои револьверы, трое из них сразу упали, сражённые пулями соперника, но в это мгновение кто-то из бандитов выстрелил и попал в машиниста, на полном ходу павшего наружу... его место тут же занял помощник! солдаты злобно отстреливались, а поезд всё нёсся, ещё увеличивая скорость! тут чья-то пуля взвизгнула, разбила стекло кабины, и впиалась в чёрную тужурку помощника! – по сигналу Витольдика один из боевиков кинулся к стрелке, но и его догнал резвый металл... раненый корсар с трудом встал и, волоча ноги, продолжил путь к стрелке... добежав, он уже без сил повалился на её рычаг и тяжестью тела передвинул его! резко вильнув, паровоз понёсся дальше в направлении каких-то вагонов и спустя несколько секунд врезался в стоявшую впереди цистерну! раздался хлопок, скрежет металла... с утробным гулом цистерна повалилась набок, и из неё хлынул поток зелёной жидкости! впоследствии оказалось: в цистерне был хлор, и все, кто был рядом, либо погибли, либо получили серьёзные увечья, многие ослепли, а иные до смерти харкали зелёной кровью, – в этой партии победа так никому и не досталась; дешевле всех отделался Витольдик: он не умер и даже не ослеп, но, ожёгши лёгкие, долго лежал в больнице, где из милосердия за ним с трогательной любовью ухаживала Соня; Витольдик ещё год кашлял, всё не умея справиться с болезнью, а Соня ходила за ним и выходила с помощью, конечно, замечательных врачей, для которых Иосиф не жалел

ни чувств, ни средств; после этого случая Витольдик решил больше не испытывать судьбу, понимая, что второго шанса она ему не даст, и по выздоровлении, используя протекцию пана Иосифа, поступил в училище Гадание и Иллюзион, где учился и гаданию, и мастерству иллюзии, достигнув вскоре в этих искусствах такого совершенства, какого не знали в своё время даже румынские цыгане: через год с небольшим он привёз из Гдыни единственного на всю Польшу шапитмейстера и открыл в Лиде шапито, – известность и популярность приобрёл он очень скоро, и деньги потекли к нему рекой, – людям настолько нужны были гадание и иллюзион, что они приезжали даже из соседних стран... только всё это счастье недолго продолжалось, – 18 сентября 1939 года в 16 часов 12 минут в Лиду вошли авангардные части Красной армии, которые в первые же дни пребывания сожгли шапито, заняли крупные промышленные предприятия и произвели молниеносные аресты среди осадников и буржуазии; после включения Западной Белоруссии в состав СССР заводы, фабрики, артели в течение всего каких-то двух-трёх недель были экспроприированы, кто-то из хозяев успел правдами и неправдами уехать, но таких было мало; Иосиф всё это предвидел, потому что регулярно слушал радио и умел за внешней дымовой завесой видеть контуры внутреннего смысла, – он внимательно следил за польским походом РККА, вдумчиво читал газеты и прекрасно

понимал, что грядёт что-то страшное, неотвратимое, – капиталы его поэтому давно были за границей, а медный сундучок с золотыми двадцатидолларовыми монетами конца девятнадцатого века покоился в надёжном месте среди развалин замка Гедимины, – он так умело, а главное, загодя свернул свои дела, так ловко замёл все явные следы, что и сам уже в конце сентября жалел себя, как беднейшего городского маргинала, – прикинувшись местным дурачком, он щеголял в потёртом засаленном костюме, жена его ходила в обносках, а дети – в лохмотьях, и ни одна душа его не выдала, в то время как полторы тысячи осадников, офицеров Войска Польского и Государственной полиции, чиновников, землевладельцев и прочих *буржуёв* были этапированы в Минск и размещены во внутренней тюрьме республиканского НКВД, – в церкви Святого Михаила Архангела организовали конюшню, в фарном костёле – фуражный склад, а синагогу взорвали, разрушив попутно древнее еврейское кладбище, где можно было сыскать даже шестисотлетние могилы цадиков, раввинов и рядовых средневековых обывателей; рядом с кладбищем с конца девятнадцатого века жила немецкая семья Бруно Лаубе, ещё до начала Великой войны потерявшего и жену, и детей, – он был каменотёсом, камнерезом и на протяжении последних трёх десятилетий изготавливал памятники почившим иудеям; надгробия его отличались чрезвычайным изяществом и тонкостью резьбы, – никто в городе не мог так

искусно вырезать в камне менору, Маген Давид и сложную ивритскую вязь, — только он, и он не брал даже подмастерьев, в одиночку ворочая тяжёлые граниты; когда синагогу взорвали, а кладбище проутюжили бульдозером, Бруно Лаубе собрал сотни надгробий и построил себе из них двухэтажные хоромы... пока он строил, рядом гремела и другая стройка, — новая власть возводила стадион, продержавшийся до эпохи нового капитализма, — в начале двухтысячных я ещё смотрел на этом стадионе футбольный матч местных клубов... народу на трибунах было, правда, мало, — сидели по преимуществу призраки кладбищенских евреев, потревоженных советской властью, и, кстати, потом, когда капитализм в Лиде уже окончательно восторжествовал и стадион тоже в конце концов снесли, а на его месте построили большой торговый центр с бутиками, кафе и детскими аттракционами, эти бедные, навсегда лишённые последнего покоя призраки в своих истлевших тахрихим, с головами, укрытыми талитами, скорбно разгуливали по торговому центру, с тоскою поглядывая на детей, резвящихся в аттракционах... эту моду взяли они с сорокового года, когда Бруно Лаубе достроил своё сложенное из надгробных плит жилище, — вот у него в доме они и бродили поначалу в поисках своих камней, а Бруно был католик, и его это раздражало, — он и священника водил, и стены окуривал, и молитвы читал, — ничто не помогало! они же иудеи, потому католические

штучки их не задевали... но не разбирать же дом! – евреи безмолвно бродили по комнатам, не пользуясь дверьми, просто проходили сквозь стены, равнодушно поглядывая при встречах на хозяина, Бруно злился, евреи продолжали слоняться, проникая даже с первого этажа на второй сквозь высокий потолок, – просто возносились, а потом прошло немного времени и хозяин смирился, привыкнув постепенно к непрошеным сожителям: они даже иногда вместе обсуждали погоду, попивая *Украинское*, в буржуазные времена называвшееся *Мюнхенским*, которое ещё полгода назад варили сыновья недавно умершего Мейлаха Пупко, – бедные наследники, едва пережившие *expropriatio* и ещё поработавшие немного простыми служащими на своём собственном заводе, а потом окончательно осознавшие бесперспективность пребывания в Лиде и отъехавшие через Вильно в какую-то за границу... дом Бруно Лаубе сохранился до сих пор, его берегут вместе с Лидским замком, как будто понимая историческое значение этих *объектов культурного наследия*, – место, где стоит дом, говорят, проклятое, потому что до сих пор внутри и вокруг всё бродят тени никак не желающих утихомириться евреев, – лично я, правда, никаких теней там не встречал, но, придя как-то к дому и прислонившись ухом к его древней стене, испещрённой вязью немых ивритских букв, отчётливо услышал шёпот тысяч пересохших губ, похожий на шелест и шуршание шатких тополей Виленской, Сувальской,

а ныне, конечно же, Советской... о чём молили они, на что жаловались и какие вопросы, может быть, хотели мне задать? кто знает! – так точно и с таким же нетерпением вслушиваюсь я в неясный гул прошлого, разглядывая старые фотографии в моём чудесном альбоме, непонятно как сохранившемся в исторических штормах, осторожно трогаю истёртый почти до основания обложечный бархат, переворачиваю ветхие листы, вдыхаю их запах, который нельзя описать, а можно лишь означить как *запах эпох*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.